

Прошлое казалось сном. Фан Дицзи опустила взгляд на свои руки и ноги, не в силах понять, почему поступила так, как поступила.

— Вы, — Фан Дицзи стояла на алтаре, одной рукой обнимая статую божества, а другой указывая на толпу. Чжан Хуа, стоя на коленях, поддерживал её.

Фан Дицзи обвела взглядом воинов:

— Вы все знаете, кто такая Фан. Не нужно мстить за меня. Просто берегите мою дочь, не дайте ей испить ту же горькую чашу, что и мне!

— Я умираю, — лицо Фан Дицзи стало мертвенно-бледным, тело несколько раз качнулось. Трое тысячников бросились было к ней на помощь, но путь им преградило бушующее пламя.

— Фан прожила жизнь достойно, ни перед небом, ни перед совестью, ни перед государем, ни перед братьями, мужем или детьми.

— Фан всегда держала слово, но одного обещания не сдержала, — Фан Дицзи издала полный боли крик, пронзивший небеса, исполненный печали, но не отчаяния. — Матушка говорила, что имя Фан звучит как вой шакалов и волчьи повадки, что на таких нельзя положиться. Я обещала матушке не доверять Фан Ло. Прийти к такому концу — значит, я, Фан Иту, оказалась неблагодарной дочерью!

Десятки людей, стоявших рядом с Фан Ло, внезапно с воплями набросились на него, связали верёвками и повалили на землю.

— Долг подданного — верность. Ученый умирает, отстаивая истину, воин умирает в бою. Раз уж мне, Фан, не суждено было умереть, исполняя долг при жизни, то после смерти я желаю, чтобы мой верный дух вечно охранял этот проход, защищая страну. Берегите себя, Ваше Величество, берегите себя, герцог Вэй.

Чжан Хуа, видя, как они страдают, и сам закашлявшись от дыма, подумал: если эти три тысячи человек перешли на нашу сторону, бояться нечего. Раз матушка не даёт указаний и не открывает скрытый механизм для побега, значит, она либо надышалась дымом, либо потеряла сознание от потери крови. Он проревел:

— Режьте лошадей, берите кровь! — и принялся лихорадочно перевязывать её раны.

Фан Дицзи, прижимая к себе статую, вся дрожала, а её лицо приобрело землистый оттенок:

— Я виню мать за то, что дала мне такое скверное имя, виню за то, что она не была со мной до конца, и ненавижу за то, что её несправедливо казнили. Ради неё я перенесла столько унижений. Я иду к ней, чтобы покаяться и просить прощения. Передайте моим детям: их мать умерла с честью. Она погибла из-за того, что вышла не за того человека, а не из-за отсутствия добродетели. Быть моими детьми — значит жить достойно. Я не смогла вырастить их, поэтому

вы, мои братья, замените им родителей, воспитывайте их и наставляйте.

— Матушка, матушка, я знаю, что была неправа.

Богиня Цзиньму, только что пережившая историю с Седьмой принцессой, которая после замужества прислала ей гневные стихи, была особенно чувствительна к дочерям, просящим прощения у матерей. В её сердце что-то дрогнуло, и она послала умирающей жизненную энергию:

— В чём же ты неправа?

Цзиньму снизошла до смертной и предстала перед ней. Из-за потери крови зрение Фан Дицзи затуманилось, и в полубреду она увидела мать. Заливаясь слезами, она опустилась на колени:

— Матушка, матушка, я была неправа, я правда была неправа. Мне не следовало выходить замуж...

Фан Ло был скручен тремя бычьими жилами, связан так, что руки за спиной сошлись в узле. Сюн Фэйхэй, много повидавший на своем веку, хитрый, как лис, вместе со своим коллегой по прозвищу Пи-цзунбин, нажали на точки на теле Фан Ло, лишив его сил, а затем изъяли спрятанные солдатами двенадцать отравленных игл и запечатали двенадцать меридианов. Всё это было сделано в строгом соответствии с правилами конвоирования опасных преступников. Самым высокопоставленным среди них был Пи-цзунбин, который служил под началом Фан Дицзи более двадцати лет. За ним следовал Сюн Фэйхэй — человек, который почти убил Фан Дицзи, но после выяснения обстоятельств стал её верным соратником. Эти три тысячи человек были костяком армии Фан Дицзи, её семьёй. Пока она была в ладах с Фан Ло, они подчинялись ему, но стоило ему ранить её, как он превратился для них в заклятого врага.

Фан Ло, чьё тело обмякло, сохранил внутреннюю силу и острый слух. Услышав слова Фан Дицзи, он до скрежета сжал зубы.

Фан Дицзи, опираясь кулаками о землю, смотрела вверх на смутный, парящий в воздухе силуэт. В её затуманенном взоре читались лишь бесконечная печаль и одиночество, а голос звучал искренне, словно плач крови:

— Дочь не послушалась твоего совета. Фан Ло оказался бессердечным и неблагодарным. Двадцать с лишним лет супружеской жизни — и у него поднялась рука!

Цзиньму смотрела на её раздирающее душу раскаяние и сочувственно вздохнула. Она подумала: неужели моя Бошуй тоже будет так сокрушаться? Что же мне тогда делать?

Снаружи горящего храма зарезали десяток породистых коней, но крови не хватило, чтобы потушить пожар. А направить раненых лошадей прямо в огонь они не решились, боясь, что те в предсмертной агонии заденут Фан Дицзи.

Фан Дицзи, словно бумажная кукла, намокшая под дождем, медленно обмякла, но её полные надежды глаза не отрывались от парящего в воздухе образа. Она хотела обмануть Фан Ло, заставив его думать, что всё идёт по плану, пока не появилось это существо — дух или небожитель... Услышанный ею строгий, холодный голос был точь-в-точь как у матери, а горделивая осанка человека в воздухе напоминала ей мать, когда та восседала на тигровой шкуре в золотом кресле. Воспоминания юности уже стерлись, и образ матери за двадцать лет стал лишь прекрасной дымкой, но она так хотела её увидеть.

В тот миг, когда этот силуэт появился и заговорил голосом матери, Фан Дицзи была потрясена настолько, что утратила способность мыслить.

Она окончательно обмякла, привалившись к Чжан Хуа, но из последних сил смотрела в небо и прерывистым, полным счастья голосом прошептала:

— Перед смертью увидеть матушку — это чудо, дарованное богиней Ванму. Мы были разделены мирами двадцать с лишним лет. Я так скучала, но ни разу не видела тебя во сне. Сегодня мы встретились, неужели ты пришла, чтобы забрать меня? Я и не думала, что мои тайные молитвы будут услышаны, и Ванму проявит милосердие, позволив мне умереть без сожалений. Чжан Хуа — мой приемный сын, я боюсь, что Фан Ло причинит ему вред, он не справится с ним. Матушка, если ты слышишь меня с небес, спаси его.

Чжан Хуа не видел Цзиньму и решил, что Фан Дицзи бредит. Услышав последние слова, он залился слезами:

— Матушка, Фан Ло схвачен! Это твои верные солдаты, они доказали свою преданность, не бойтесь! Шинян всегда будет с вами, до самого конца. Я не оставляю вас. Матушка, не закрывайте глаза, не надо...

Цзиньму с противоречивыми чувствами посмотрела на неё и тихо произнесла:

— Фан Иту, я позабочусь о будущем Чжан Хуа.

— Матушка! — воскликнула Фан Дицзи. — Я отомстила за твою смерть. Уездный начальник, губернатор и командующий были казнены по приказу императора, доносчики уничтожены вместе с семьями. Император отменил указы его отца, а все, кто подстрекал к травле, убиты мной. Ваше доброе имя очищено от клеветы. Матушка, это всё, что я смогла сделать. Вы довольны?

Чжан Хуа, видя, что огонь понемногу стихает, обнял её:

— Матушка, очнитесь, вы не умрёте! Вы же держите Жемчужину Успокоения Духа, не разжимайте зубов, матушка, не умирайте!

Цзиньму поджала губы и подозрительно взглянула на Чжан Хуа. Его аура казалась ей странной, но в то же время не вызывала подозрений. Она ласково сказала:

— То, что ты заставила императора издать такой указ, меня вполне устраивает. — Она

подумала: в конце концов, простые смертные — тоже подданные Небесного Двора, пусть это принесёт ей покой. Бедняжка. Не стоит больше называть себя госпожой, а то она спросит, почему я всё ещё говорю о себе как о Цзиньму, или придётся выдумывать историю о небесной фее — сплошные хлопоты.

Фан Дицзи горько усмехнулась:

— Но матушка всё равно не вернётся. Сто семьдесят три жизни были принесены в жертву, но даже тогда ты не пришла ко мне во сне. Я разочаровала тебя.

— Нет, — Цзиньму придирчиво осмотрела её. Несмотря на то, что она была немного некрасива, глуповата и слаба в боевых искусствах, она была достойным человеком, верным долгу и сыновней почтительности.

— Этот храм построил я, чтобы молиться за упокоение твоей души. Я построила много храмов, кормила монахов, раздавала священные тексты, помогала одеждой зимой и кашей летом, — Фан Дицзи тяжело задышала, взгляд её начал рассеиваться. Цзиньму снова послала ей порцию энергии, чтобы она могла договорить, ей стало любопытно, что та скажет.

Цзиньму видела немало могущественных сановников, амбициозных наложниц и властных императоров на пороге смерти. Но все они лишь молили о продлении жизни, жаждали вернуть власть и богатство. Даже люди низкого происхождения вели себя так же, лишь сильнее цепляясь за имущество и родных.

Фан Дицзи почувствовала, как уходящая жизнь на мгновение вернулась. Она не думала о смерти, а спешила высказать всё, пока матушка рядом:

— У меня три просьбы. Первое: имя Фан Иту приносит несчастье, ведь Иту звучит как погребение, я отказалась от него. Второе: ты была права насчет Фан Ло. Если будет следующая жизнь, пусть мой брак устроит мать. Ты ведь была главой восьмидесяти одной дороги в горах к северо-западу от Хуанхэ, твоё чутьё на людей куда острее моего. Третье: ты ненавидела Шесть Ведомств и чиновничью среду, а я создала для императора сеть тайных агентов, не раз защищала границы, мой муж и брат были высокопоставленными чиновниками. Это было моим вынужденным шагом.

— Я знаю, — вздохнула Цзиньму. Она уже прочла краткий обзор жизни Фан Дицзи, присланный принцессой Лунцзи. — Государство приказало уничтожить тебя, командующий и губернатор объединились, чтобы объявить тебя предателем, перебежавшим к врагу. Чтобы смыть такое клеймо с имени матери, одних разбойничьих набегов было мало. К тому же старый император дряхл, наследник распутен, враги у границ, чиновники коррумпированы, а двор расколот. Ты защищала государство и спасала народ — ты всё сделала правильно.

Цзиньму подумала: слабоумный государь, продажные сановники, неудачливые принцы! В смутные времена рождаются герои, в мирное время ты бы не достигла такого успеха. Все трое Фан были весьма способны: разбойница Фан Иту, беспристрастный Фан Нью и мастер интриг Фан Ло. Самое удивительное, что все они, будучи на высоких постах, выдвигали достойных

людей, советовали императору увольнять подлецов. И при этом они сами не были алчными, но обладали властью. Странно, ведь ты была разбойницей, а Фан Ло — интриганом, почему же вы вели себя как великие мужи? Наверное, ради славы и богатства.

— Правитель должен использовать мудрых, следовать пути человеколюбия, отсекал низменные желания, почитать добродетельных, доверять народу, воспитывать чиновников и карать виновных — только так страна станет сильной. Я сделала лишь самую малость, — Фан Дицзи смущенно улыбнулась. — Матушка, если император и дальше будет столь мудр, можно ли продлить ему жизнь?

Чжан Хуа поднял голову к балкам храма. Он не видел Цзиньму, но понял по словам Фан Дицзи, что если это не галлюцинация, то его бабушка здесь. С покрасневшими глазами он прошептал:

— Госпожа Фан, если вы здесь, защитите свою дочь! Не дайте ей умереть, умоляю, не дайте ей умереть.

Цзиньму поджала губы, слегка улыбнулась и покачала головой:

— Это зависит от государя и от воли Небесного Владыки. Не мне решать.

Конечно, это возможно. Многие смертные молят о продлении жизни императору. Даже если в этой жизни он не получит много лет, в следующей он будет благословлен судьбой, а если проявит мудрость, то, возможно, даже займет место среди небожителей.

Цзиньму развернула длинный свиток, присланный принцессой Лунцзи, и, просмотрев биографию Фан Иту, перешла к летописи в тридцати томах, подготовленной Третьей принцессой.

Она читала, лишь мельком бросая взгляд на страницы. Закончив с главами о разбойниках и о верности государю, она сопоставила это с тем, что видела сама: Фан Иту была слишком скромна! Если бы не её самоотверженные действия, нынешний император вззошел бы на трон на пять лет позже, и за эти годы страна была бы разорена глупым наследником и его приспешниками.

Третья принцесса тем временем расстелила бумагу, взяла кисть и начала писать: Глава двадцать четвертая. Верная долгу принцесса вынуждена бежать на границу, в горящем древнем храме она встречает истинное божество...

Фан Дицзи улыбнулась, с обожанием глядя на Цзиньму:

— Матушка, могу ли я после смерти служить тебе? — Заметив колебание в облике богини, она с разочарованием и извинением добавила: — Или я слишком много пролила крови?

Цзиньму тут же прервала её:

— Все, кого ты убила, заслуживали смерти. Защита отечества никогда не считалась грехом, а казнь предателей — это заслуга. Небеса вознаграждают добро и карают зло. Фан Иту, если ты умрешь, то сможешь следовать за мной, но у тебя остались дети. Не стремись к смерти.

Фан Дицзи посмотрела на храм, опустив глаза, в них сквозила усталость:

— Он похож на Ди Синя из Летописи добродетельных женщин: силен, храбр, умен, красноречив, горделив. Его внешние добродетели безупречны: он не копит богатств, не заводит наложниц, верен друзьям, прост в общении. Всю жизнь он казался безупречным, и я, прожив с ним столько лет, так и не смогла его разгадать. Матушка, я так устала бороться, терпеть боль, нести бремя славы и жить с человеком, который так искусно скрывает своё лицо.

Фан Ло, которому заткнули рот кляпом, пропитанным дурманом, издал стон отчаяния.

Цзиньму нахмурилась:

— Неужели это правда?

— Я вела войска к стенам столицы, гремела славой в разных странах, достигла вершин власти. У меня были богатства, титул принцессы, муж, равный Янь-цзы. Я собрала вокруг себя весь цвет преступного мира, заставляя их служить себе... Но матушка, не это приносило мне истинную радость. Больше всего я хотела воссоединиться с тобой. Никакие богатства мира не заменят тебя.

— Матушка! — закричал Чжан Хуа. — Не уходи!

Сюн Фэйхэй вопил:

— Глава Фан, держитесь! Мы ваши люди, если бы вы не сбежали, мы бы вас не ранили!

Цзиньму вздохнула, чувствуя головную боль:

— Почему ты не убила Фан Ло? У тебя же была возможность. — Не брать же её с собой на Небеса? С другой стороны, жаль такую способную девочку. Но как объяснить, что я притворилась её матерью? Я ведь просто хотела её утешить, а не играть эту роль вечно.

— Поведение женщины отражает добродетель её матери. Я с таким трудом очистила имя матери, как я могу осквернить его убийством мужа? Я сама прошла через это и не хочу, чтобы мои дочери пострадали от дурной славы, а сыновья всю жизнь страдали от того, что их родители уничтожили друг друга. Я знаю, каков император, он добьется справедливости после моей смерти. Раз так, почему бы мне не умереть, сохранив честь? — Фан Дицзи лукаво улыбнулась. — Скажу правду: если я его не убью, он всё равно умрёт из-за меня.

Чжан Хуа, услышав это, прошептал ей на ухо:

— Да-да, матушка, вы правы во всём. Вы только живите, я сделаю так, что о вас напишут в

Летописи добродетельных женщин, только не бросайте Шинян. Ей нужно ваше воспитание.

Цзиньму кивнула, подумав: она всё-таки хороший ребёнок, раз умеет говорить правду. И снова начала придираться:

— Будучи важным сановником, пренебрегать волей государя ради интересов семьи — это нельзя назвать верностью. Бросить детей ради личной славы — это не материнская любовь. Стоило ли умирать ради того, чтобы о тебе слагали легенды?

— Спасать свою жизнь ценой доброго имени государева слуги, позорить страну и ставить императора в неловкое положение — это тоже не поведение верного подданного. Фан Ло, хоть и предал супружеский долг, остался верен долгу перед государем.

— Мой старший сын, ему восемь, тщеславен и любит деньги, но в душе добр. Сейчас его воспитывает дядя, герцог Вэй, он не даст ему наделать глупостей. Младший сын, пяти лет, скромен и послушен, я уже подобрала ему достойную жену. Моя старшая дочь, тринадцати лет, умна и прекрасна, она сможет продолжить мой путь. Младшая дочь, двух лет, воспитывается во дворце как принцесса, её растит императрица, достойнейшая из женщин.

— Я получила такие раны, что даже если выживу, долго не протяну. А умирать на больничной койке я не хочу. Этот храм — начало моего пути, и здесь же он должен закончиться.

Цзиньму кивнула:

— Хорошо, что ты это понимаешь. Фан Дицзи, неудивительно, что император так высоко тебя ценил.

Чжан Хуа, слушая её слабый голос, прикрыл ей рот ладонью:

— Матушка, очнитесь, вы же выдали все свои планы и всех своих детей!

Яочи Цзиньму смотрела на её лицо. Глиняная статуя рядом была испачкана кровью. Если бы Фан Дицзи не держала во рту Жемчужину Успокоения Духа, она была бы уже мертва.

Лицо Цзиньму постепенно помрачнело, и она медленно произнесла:

— Все дети одинаковы: не попадут в беду — не вспомнят о матери. А если мать откажет в просьбе, тут же затаят обиду. Бошуй, возмнив себя взрослой, вышла замуж, не сказав ни слова. Я наказала её, так она чуть не покончила с собой, лишь бы противостоять мне и небесным законам, а теперь, когда жизнь стала трудной, пишет письма с упрёками. Непослушный ребёнок.

Фан Дицзи слабо улыбнулась:

— Я сейчас не в беде, но всё равно хочу уйти вместе с тобой.

Чжан Хуа слышал лишь голос Фан Дицзи. Он ничего не мог поделать, кроме как держать её в своих объятиях. Лучшие лекарства уже были использованы. Пожар вокруг утихал. Все слова мольбы были сказаны. Внутренняя энергия, которую он вливал в неё, не помогала.

Шум снаружи больше не достигал его ушей. Он обнимал Фан Дицзи, и слёзы безостановочно текли по его лицу.

— Неважно, инсценирую ли я свою смерть или вернусь лечиться, я смогу добиться звания добродетельной жены. Фан Ло не пытался убить меня до конца, так что теперь очередь Шинян убить его за меня, — Фан Дицзи тяжело вздохнула, на её лице промелькнула горькая улыбка. — Когда войска окружили храм, я уже была в безопасности. Они обязательно проверят, кто я, ведь самозванец не решился бы бежать сюда.

Она старалась не думать о погибшем приемном сыне:

— Деньги, слава, власть — всё это я даровала другим, мне не нужно было просить об этом самой.

<http://bllate.org/book/21775/2251795>